

Произведения поэтов и писателей России

В. Дмитриева. «Малыш и Жучка» (главы)

Когда мать Малыша, Федосья, привела его в первый раз в школу, учительница с удивлением сказала:

- Какой он маленький! Сколько же ему лет?

- Седьмой годок пошёл, - сказала Федосья.

Анна Михайловна молчала и глядела на Малыша. Он стоял перед ней такой крошечный, в рваном полушубке, с огромной, должно быть отцовской, шапкой в руках и серьёзно глядел на неё своими большими серыми глазами. Нос пуговкой смешно торчал кверху; белые, как лён, волосы завивались кудряшками.

- Да что же я с ним делать буду? – сказала она, улыбаясь. – Ведь он, я думаю, и говорить-то ещё не умеет!

Малыш потянул в себя носом, махнул шапкой и сказал:

- А у меня Жучка есть!

- Это ещё что за Жучка? - смеясь, сказала учительница.

- Да это он про собачку, - ответила за него мать, ободрённая тем, что учительница развеселилась. – Собака у нас, Жучка, и собачонка-то дрянная, а вот, привязалась, так за ним и бегаёт! Водой не отольёшь!

- И вовсе не дрянная! – обиженно возразил Малыш. - Она хорошая!

Л. Толстой. «Косточка»

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке.

Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

- А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

- Нет.

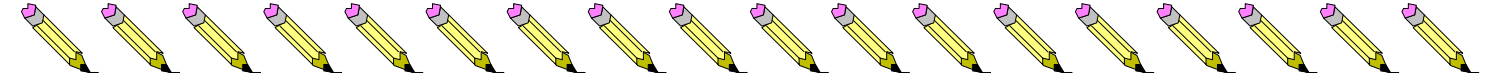
Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

- Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

- Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

- Нет, я косточку бросил за окошко.
И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Л. Толстой «Прыжок».

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было - она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу.

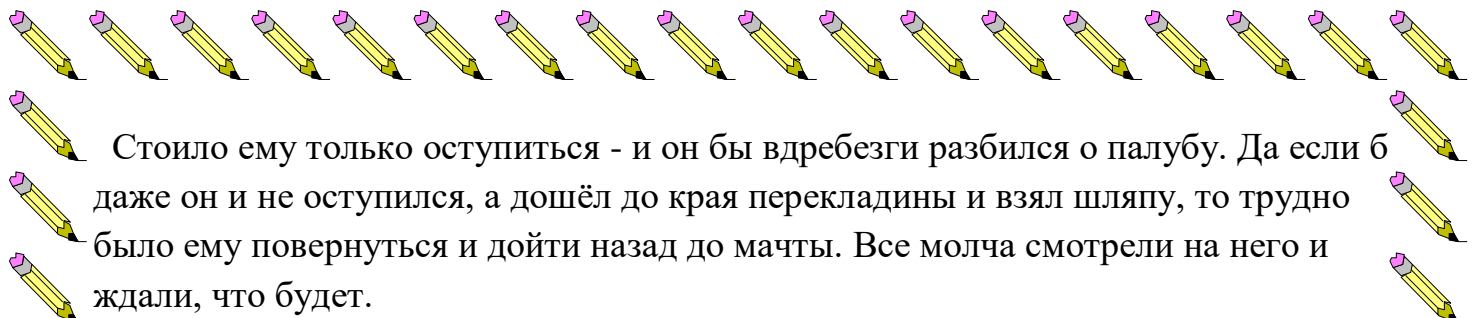
Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше. - Так не уйдёшь же ты от меня! - закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться - и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладки и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек.

Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал:

- В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» - мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодых матросов прыгнули с корабля в море. Секунд через 40 - они долги показались всем - вынырнуло тело мальчика.

Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Л. Толстой «Лев и собачка»

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком. Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошетинился и зарычал. Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

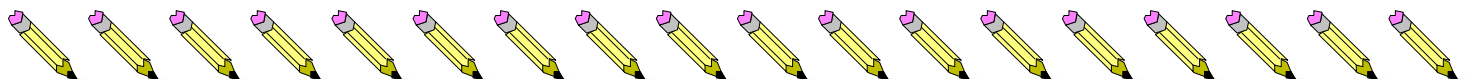
Н. Носов «Живая шляпа»

Шляпа лежала на комодѣ, котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось - упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу - и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! - и бегом в сторону.

- Чего ты? - спрашивает Вадик.

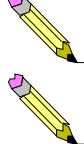
 - Она жи-жи-живая!

 - Кто живая?

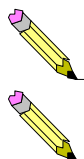
 - Шля-шля-шля-па.

 - Что ты! Разве шляпы бывают живые?

 - По-посмотри сам!

 Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

 - Ай! - и прыг на диван. Вовка за ним.

 Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

 - Ай! Ой! - закричали ребята.

 Соскочили с дивана - и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

 - Я у-у-хо-хо-жу! - говорит Вовка.

 - Куда?

 - Пойду к себе домой.

 - Почему?

 - Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

 - А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?

 - Ну, пойдй, посмотри.

 - Пойдем вместе. Я возьму клюшку. Если она к нам полезет, я ее клюшкой тресну.

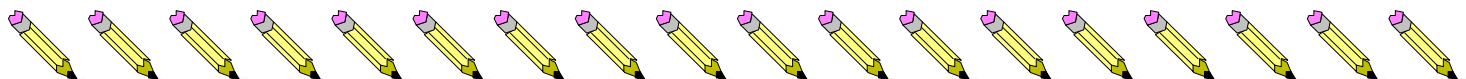
 - Постой, я тоже клюшку возьму.

 - Да у нас другой клюшки нет.

- Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли клюшку и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

- Где же она? - спрашивает Вадик.

- Вон там, возле стола.

- Сейчас я ее как тресну клюшкой! - говорит Вадик. - Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

- Ага, испугалась! - обрадовались ребята. - Боится лезть к нам.

- Сейчас я ее спугну, - сказал Вадик.

Он стал стучать по полу клюшкой и кричать:

- Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

- Давай наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, - предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее в шляпу" Швыряли, швыряли, наконец, Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

- Мяу! - закричало что-то. Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.

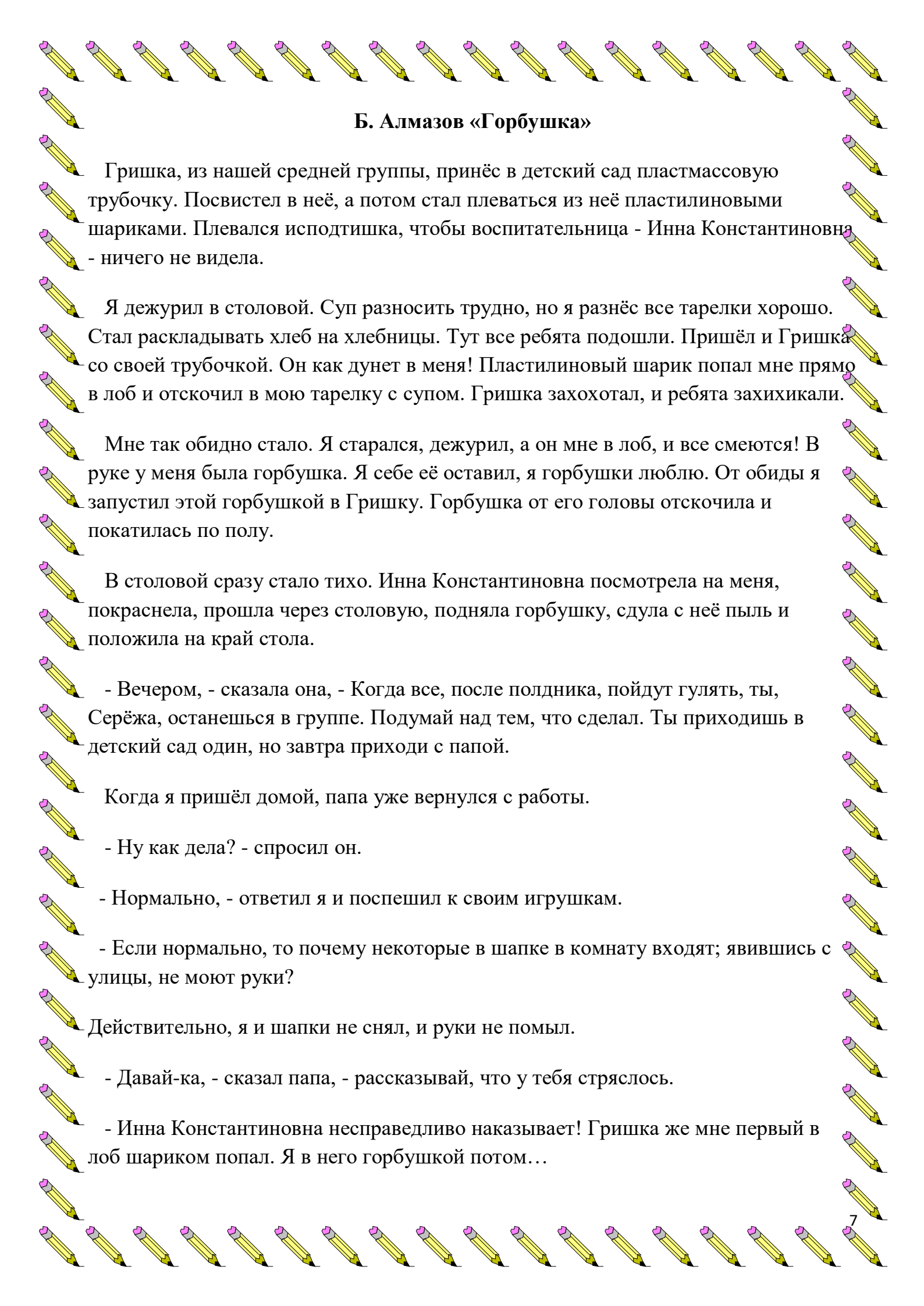
- Васька! - обрадовались ребята.

- Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, - догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать!

- Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил, Он только фыркнул и жмурился от света.

Б. Алмазов «Горбушка»

Гришка, из нашей средней группы, принёс в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в неё, а потом стал плевать из неё пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница - Инна Константиновна - ничего не видела.

Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнёс все тарелки хорошо. Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришёл и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали.

Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе её оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку. Горбушка от его головы отскочила и покатила по полу.

В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с неё пыль и положила на край стола.

- Вечером, - сказала она, - Когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Серёжа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришёл домой, папа уже вернулся с работы.

- Ну как дела? - спросил он.

- Нормально, - ответил я и поспешил к своим игрушкам.

- Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

- Давай-ка, - сказал папа, - рассказывай, что у тебя стряслось.

- Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

- Горбушкой?

- Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня!

Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

- За что тебя наказали? - спросил он.

- Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

- Так!.. — сказал папа. - Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа её очень редко достаёт. Там папины почётные грамоты, фотографии. Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

- Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки, ни дедушки?

- Задумывался, — сказал я. - У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

- А почему их нет? - спросил папа.

- Они погибли на войне.

- Да, - сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. - «Извещение», — прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: - «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» - это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» - это второй дедушка, мамин папа.

- А бабушки?

- Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод. Ленинград остался совсем без продовольствия.

- И без хлеба?

- На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.

- И всё?

- И всё... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный...

Папа достал фотографию.

- Ну, - сказал он, - найди меня.

Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.

- Вот я, — папа показал на мальчика во втором ряду. - А вот - мама.

Я бы её никогда не узнал.

- Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб.

Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!» А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паёк и на морозе в окопах сидят совсем голодные...

Я обхватил папу руками и закричал:

- Папочка! Накажи меня как хочешь!

- Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб - не просто еда... А ты его на пол...

- Я больше никогда не буду! - прошептал я.

- Я знаю, — сказал папа.

Мы стояли у окна. ...

А. Гайдар «Чук и Гек»

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребяташками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загредел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама! А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик, да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро придет.

Тут, на радостях, они спали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа во уже целый год как не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

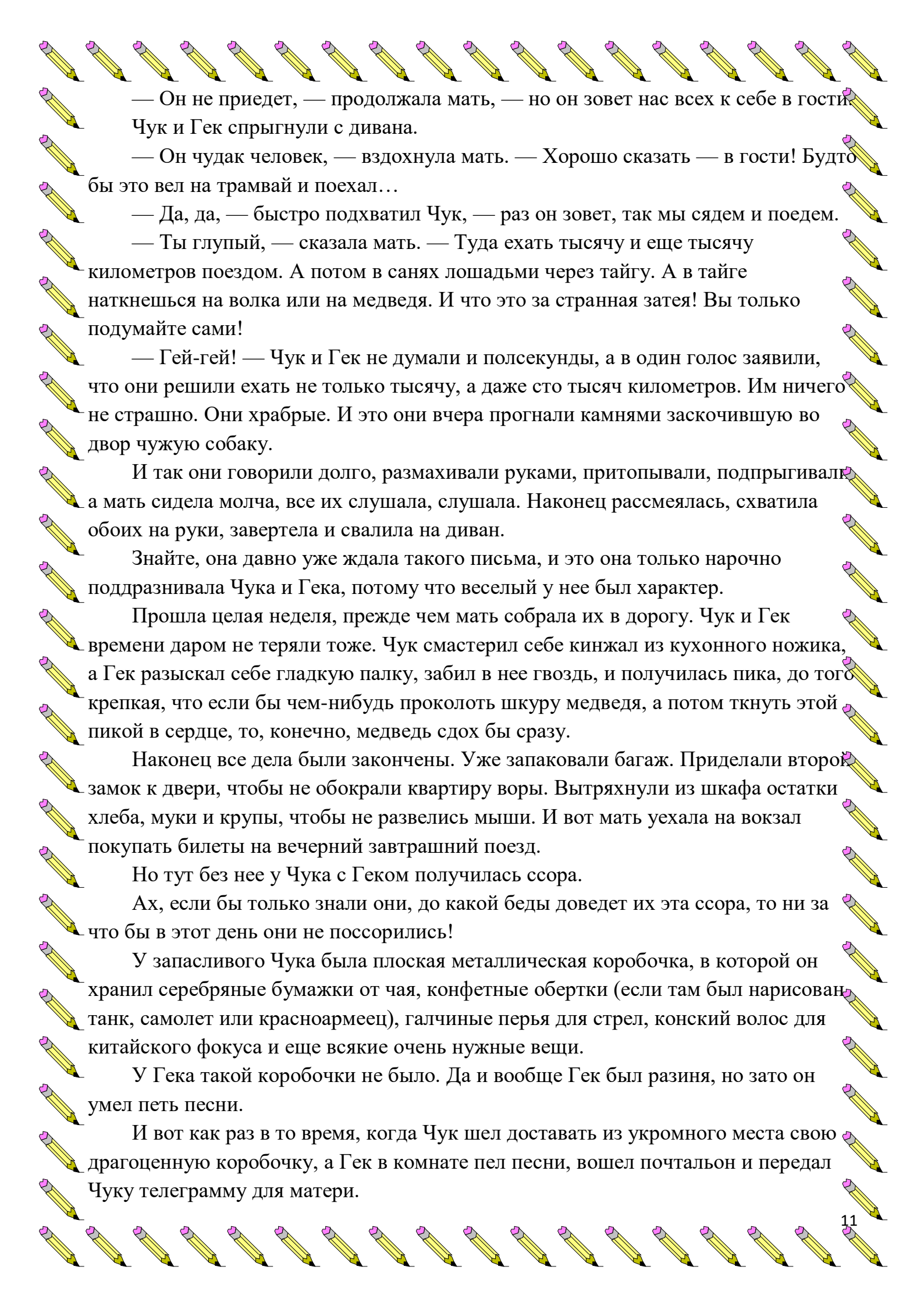
Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

— Отец не придет, — откладывая письмо, сказала мать. — У него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо казалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет, — продолжала мать, — но он зовет нас всех к себе в гости. Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это вел на трамвай и поехал...

— Да, да, — быстро подхватил Чук, — раз он зовет, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошаадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что веселый у нее был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

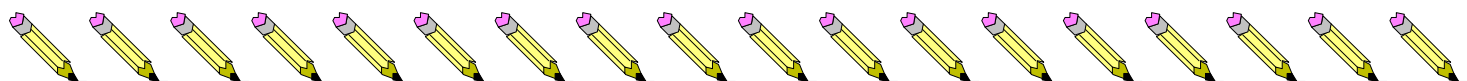
Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

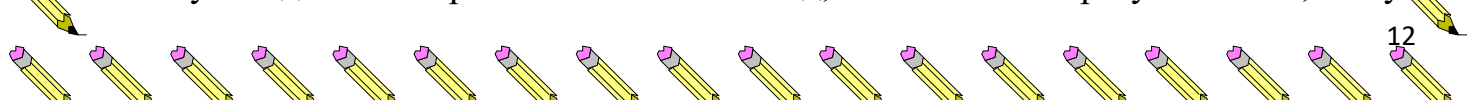
— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук. — Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед высказывать? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у

ее дорогих сыновей лица печальны, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане, — отряхиваясь от снега, спросила мать, — из-за чего без меня была драка?

— Драки не было, — отказался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиться. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошел проводник с фонарем и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушел, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель.

А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука

на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

Гек проскользнул под свое одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер

Невиданная огромная луна опять озаряла голубым светом вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала, какая беда приключилась с ее сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон. Как будто ожил весь вагон, как будто слышны голоса. От колеса до колеса. Бегут вагоны — длинный ряд — И с паровозом говорят.

Первый. Вперед, товарищ! Путь далек. Перед тобой во мраке лег.

Второй. Светите ярче, фонари, До самой утренней зари!

Третий. Гори, огонь! Труби, гудок!

Крутись, колеса, на Восток!

Четвертый. Тогда закончим разговор, Когда домчим до Синих гор.

Когда Гек проснулся, колеса, уже без всяких разговоров, мерно постукивали под полом вагона. Сквозь морозные окна светило солнце. Постели были заправлены. Умытый Чук грыз яблоко. А мама и усатый военный против распахнутых дверей хохотали над ночными похождениями Гека. Чук сразу же показал Геку карандаш с наконечником из желтого патрона, который он получил в подарок от военного.

Но Гек до вещей был не завистлив и не жаден. Он, конечно, был растеря и разиня. Мало того, что он ночью забрался в чужое купе, — вот и сейчас он не мог вспомнить, куда засунул свои брюки. Но зато Гек умел петь песни.

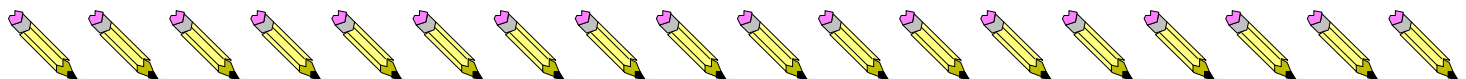
Умывшись и поздоровавшись с мамой, он прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть, что это за край, как здесь живут и что делают люди.

И пока Чук ходил от дверей к дверям и знакомился с пассажирами, которые охотно дарили ему всякую ерунду — кто резиновую пробку, кто гвоздь, кто кусок крученой бечевки, — Гек за это время увидел через окно немало.

Вот лесной домик. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка. Трах! — кошка кувырком полетела в пушистый сугроб и, неловко карабкаясь, запрыгала по рыхлому снегу. Интересно, за что это он ее бросил? Вероятно, что-нибудь со стола стянула.

Но уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки — стоит в поле завод. Поле белое, трубы красные. Дым черный, а свет желтый. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и, укутанный в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка. Однако попробуй-ка, сунься!

Потом пошел танцевать лес. Деревья, что были поближе, прыгали быстро, а дальние двигались медленно, как будто их тихо кружила славная снежная река.

Гек окликнул Чука, который возвращался в купе с богатой добычей, и они стали смотреть вместе.

Встречались на пути станции большие, светлые, на которых шипело и пытело сразу штук по сто паровозов; встречались станции и совсем крохотные — ну, право, не больше того продуктового ларька, что торговал разной мелочью на углу возле их московского дома.

Проносились навстречу поезда, груженные рудой, углем и громадными, толщиной в полвагона, бревнами.

Нагнали они эшелон с быками и коровами. Паровозишко у этого эшелона был невзрачный, и гудок у него тонкий, писклявый, а тут как один бык рявкнул: му-у!.. Даже машинист обернулся и, наверное, подумал, что это его большой паровоз нагоняет.

А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия.

Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Геком решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушевали метели, и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот, наконец, утром поезд подкатил к маленькой станции.

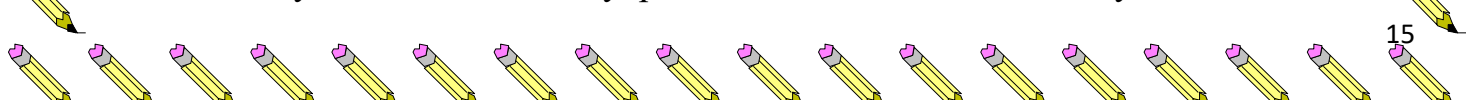
Только-только мать успела осадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

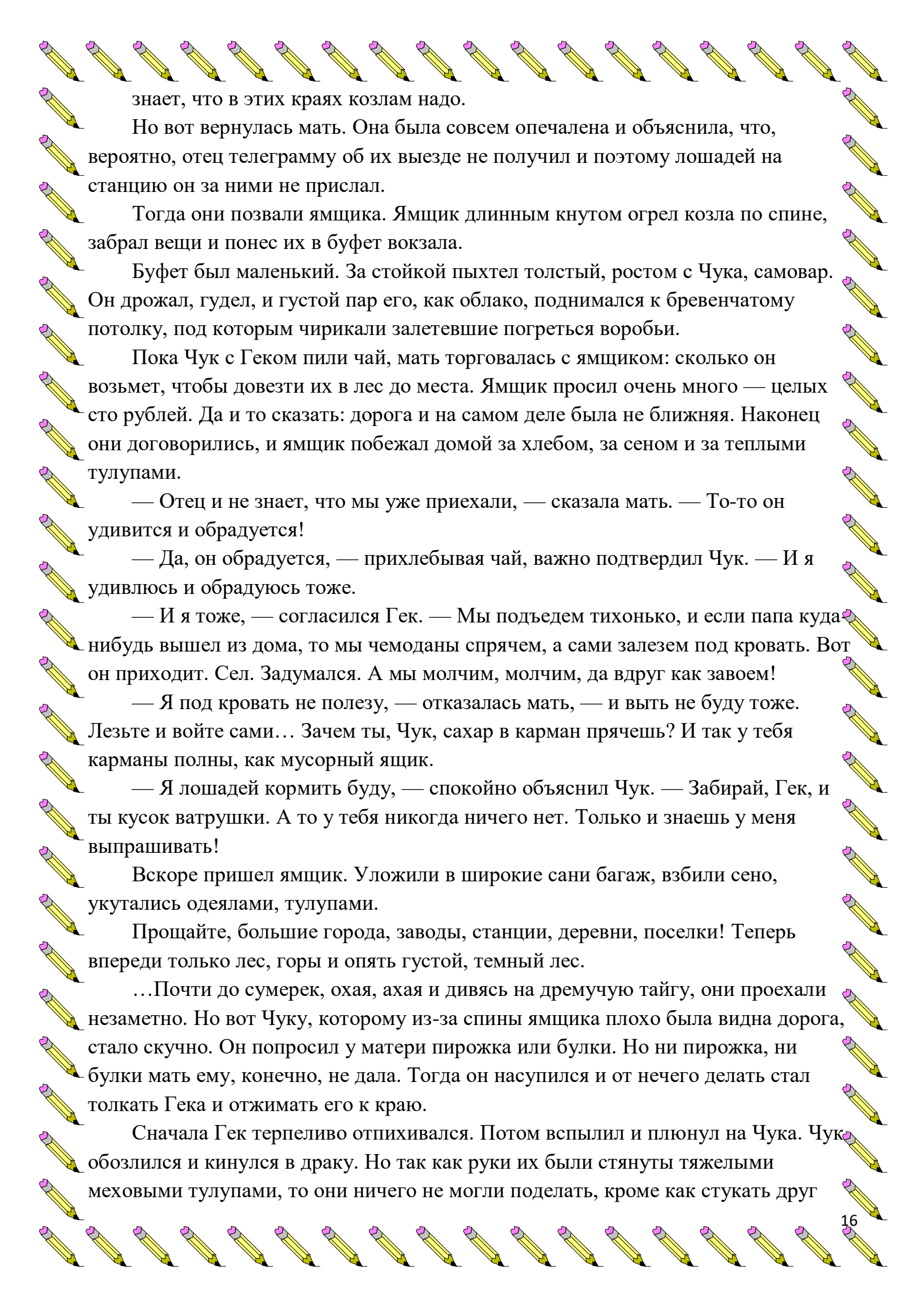
Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгой.

Мать ходила очень долго, а тут еще неподалеку появился страшный козел. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Геком поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его

знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму об их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Ямщик длинным кнутом огрел козла по спине, забрал вещи и понес их в буфет вокзала.

Буфет был маленький. За стойкой пытел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, гудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали залетевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Геком пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмет, чтобы довезти их в лес до места. Ямщик просил очень много — целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеном и за теплыми тулупами.

— Отец и не знает, что мы уже приехали, — сказала мать. — То-то он удивится и обрадуется!

— Да, он обрадуется, — прихлебывая чай, важно подтвердил Чук. — И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

— И я тоже, — согласился Гек. — Мы подьем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоем!

— Я под кровать не полезу, — отказалась мать, — и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прячешь? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

— Я лошадей кормить буду, — спокойно объяснил Чук. — Забирай, Гек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришел ямщик. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, поселки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, темный лес.

...Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спины ямщика плохо была видна дорога, стало скучно. Он попросил у матери пирожка или булки. Но ни пирожка, ни булки мать ему, конечно, не дала. Тогда он насупился и от нечего делать стал толкать Гека и отжимать его к краю.

Сначала Гек терпеливо отпихивался. Потом вспылил и плюнул на Чука. Чук обозлился и кинулся в драку. Но так как руки их были стянуты тяжелыми меховыми тулупами, то они ничего не могли поделать, кроме как стучать друг

друга укутанными в башлыки лбами.

Посмотрела на них мать и рассмеялась. А тут ямщик ударил кнутом по коням — и рванули кони. Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца. Ямщик закричал:

— Эй, эй! Ого-го!.. Берегись: задавим!

Весело умчались в лес озорные зайцы. Дул в лицо свежий ветер. И, поневоле, прижавшись друг к другу, Чук и Гек помчались в санях под гору навстречу тайге и навстречу луне, которая медленно выползала из-за уже недалеких Синих гор.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесенной снегом избушки.

— Здесь ночуем, — сказал ямщик, соскакивая в снег. — Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замерзла и затвердела, что ею можно было забивать гвозди.

Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашел какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кровать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посередине. Он любил спать с краю. И хотя еще с раннего детства он слышал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек все равно всегда спал с краю.

Если же его клали в серединку, то во сне он сбрасывал со всех одеяла, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посередине, а Гек с краю.

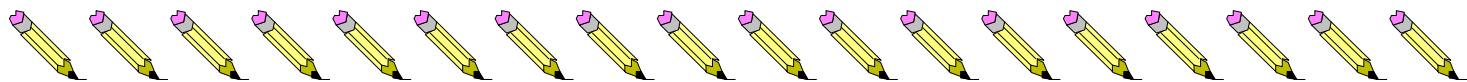
Ямщик потушил свечку и полез на печь. Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Геку захотелось пить, и он проснулся.

В полудреме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками и, сквозь маленькое окошко сугробы снега казались черно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!» — удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворочалось, и Гек понял, что это мимо окна прошел медведь.

— Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Черно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришел угрюмый.

Приснился Геку странный сон!

Как будто страшный Турворон Плюет слюной, как кипятком, Грозит железным кулаком.

Кругом пожар! В снегу следы!

Идут солдатские ряды.

И волокут из дальних мест Кривой фашистский флаг и крест.

— Пойдите! — закричал им Гек. — Вы не туда идете! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали.

В гнев тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия.

— Хорошо! — похвалил Гек. — Только стрельните еще, а то одного раза им, наверное, мало...

Мать проснулась оттого, что оба ее дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твердое и острое. Она пошарила и достала из-под одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

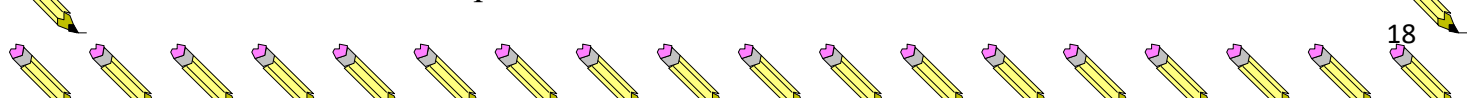
Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

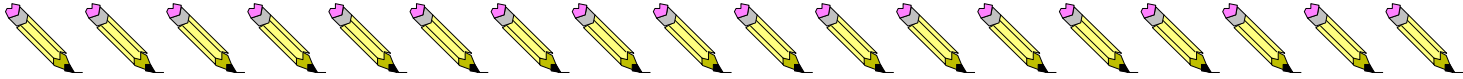
Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его теплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Еще не светало, и небо было все в звездах. Иные звезды горели высоко, а иные склонялись над черной тайгой совсем низко.

И — удивительное дело! — тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло ее беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъемах ямщик соскакивал с саней и шел по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

— Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дернули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трем домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали деревья на дерево.

— Ты куда же нас привез? — в страхе спросила у ямщика мать. — Разве нам сюда надо?

— Куда рядились, туда и привез, — ответил ямщик. — Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

— Нет, нет! — взглянув на вывеску, ответила мать. — Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

— Я не знаю, куда б им деваться, — удивился и сам ямщик. — На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот еще забота! Не волки же их всех поели... Да вы постойте, я пойду посмотрю в сторожку.

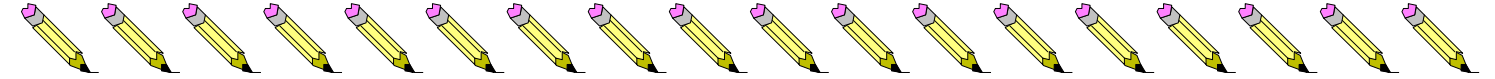
И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся:

— Изба пуста, а печка теплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушел на охоту. Ну, к ночи вернется и все вам расскажет.

— Да что он мне расскажет! — ахнула мать. — Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

— Это я уж не знаю, что он расскажет, — ответил ямщик. — А что-нибудь

рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, метел, топоров, палок, мимо промерзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошел задавать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

— Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у нее денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернется сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмет да не скоро вернется? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошел ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошел к печке и открыл заслонку.

— Сторож к ночи вернется, — успокоил он. — Вот в печи горшок со щами.

Кабы он ушел надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите, — предложил ямщик. — Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

— Нет, — отказалась мать. — На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и, пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на теплую печку. Здесь пахло березовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолчишься, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало — должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарем в руках в избу вошел сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружье, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серегина, — сказала мать, соскакивая с печки, — а это его дети. Если нужно, то вот документы.

— Вон они, документы: сидят на печке, — буркнул сторож и осветил фонарем на встревоженные лица Чука и Гека. — Как есть в отца — копия! Особо

вот этот толстый. — И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его назвали толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вам же приезжать было не велено.

— Как не велено? Кем это приезжать не велено?

— А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серегина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серегин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под ее взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятились глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Отвечайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне ее не отдали?

Прошло еще несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рев. Чук затянул басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведет меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли еще громче, и прошло немало времени, пока, перебивая, и, бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затянули свой печальный рассказ.

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться, а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернется никак не раньше, чем дней через десять.

— Но как же мы эти десять дней жить будем? — спросила мать. — Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

— А так вот и живите, — ответил сторож. — Хлеба я вам дам, вон подарю зайца — обдерете и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

— Нехорошо, — сказала мать. — Как же мы останемся одни? Мы тут ничего

не знаем. А здесь лес, звери...

— Я второе ружье оставлю, — сказал сторож. — Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вон крупа в мешке, соль в банке. А мне — я вам прямо скажу — нянчиться с вами тоже некогда...

— Эдакий злой дядька! — прошептал Гек. — Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

— Вот еще! — отказался Чук. — Он тогда возьмет и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, приедет папа, мы ему все и расскажем.

— Что ж папа! Папа еще долго...

Гек подошел к матери, сел к ней на колени и, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожух и подвинулся к столу, к свету. И только тут Гек разглядел, что от плеча к спине кожуха вырван огромный, почти до пояса, меховой клочок.

— Достань из печки щи, — сказал матери сторож. — Вон на полке ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

— Ты хозяин, — сказала мать. — Ты достань, ты и угощай. А полушубок дай: я лучше твоего заплаताю.

Сторож поднял на нее глаза и встретил суровый взгляд Гека.

— Эге! Да вы, я вижу, упрямые, — пробурчал он, протянул матери полушубок и полез за посудой на полку.

— Это где так разорвалось? — спросил Чук, указывая на дыру кожуха.

— С медведем не ладили. Вот он меня и царапнул, — нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжелый горшок со щами.

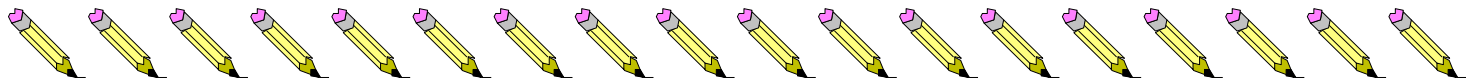
— Слышишь, Гек? — сказал Чук, когда сторож вышел в сени. — Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал все сам. Но он не любил, чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поссориться и подраться с самим медведем.

Утром, еще на заре, сторож захватил с собой мешок, ружье, собаку, стал на лыжи и ушел в лес. Теперь хозяйничать надо было самим. Втроем ходили они за водой. За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шел густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодней самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лед на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей еще не приходилось, и она

с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдиранье ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчий хвост, такой легкий и пушистый, что если его бросать с печки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они все втроем вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружье или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружье на высокий крюк, потом встала на табуретку, засунула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше и не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утесы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями, на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

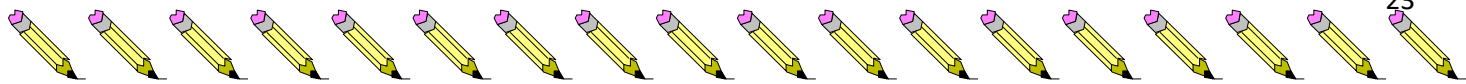
Да и вообще, если над Геком светило солнце, то он был уверен, что и над всей землей ни дождя, ни туч нету.

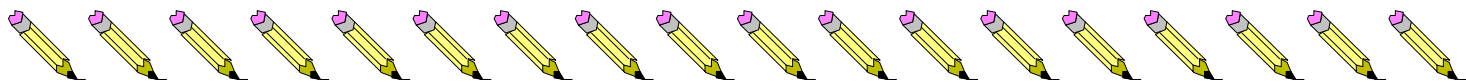
И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесенным снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и от огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

— Чук, — спросил Гек, — почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

— И ведьмы и черти, чтобы были тоже? — спросил Чук.

— Да нет! — с досадой отмахнулся Гек. — Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

— А на чем бы он полетел, Гек?

— Ну, на чем... Замахал бы руками или там еще как. Он уж сам знает.

— Сейчас руками махать холодно, — сказал Чук. — У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замерзли.

— Нет, ты скажи, Чук, а все-таки хорошо бы?

— Я не знаю, — заколебался Чук. — Помнишь, во дворе, в подвале, где живет Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

— И хорошо он нагадывал?

— Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

— Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

— Конечно, жулик, — согласился Чук. — Да, я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, все равно я с тобой больше разговаривать не буду.

— Почему?

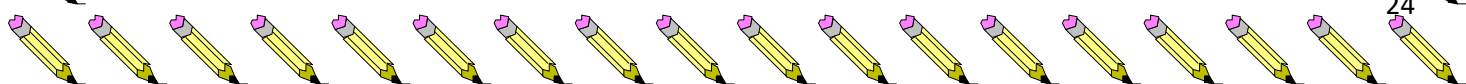
— Потому что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнешь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

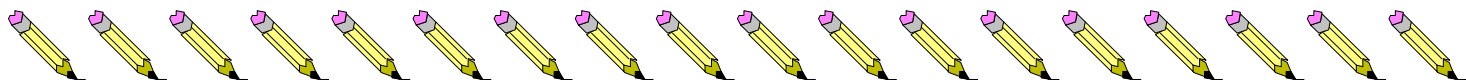
На утро четвертого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден, и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепешек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла ведра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток, — тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, ведра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл теплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да се, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликнулся.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в темный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдернула со стены ружье, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружье и выстрелила. Прислушалась, выстрелила еще и еще раз. Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь.

Она хотела бежать навстречу, но ее валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

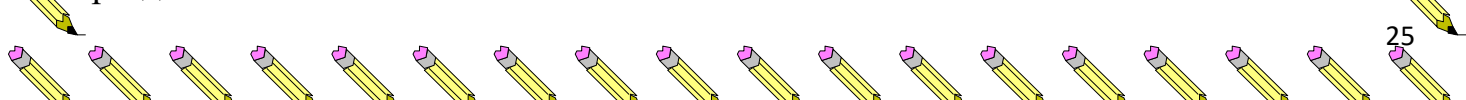
С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

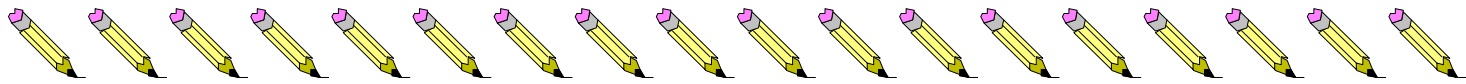
Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втокнула раздетого Чука в избу, швырнула ружье в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошел окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик, — сказала мать. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой, не плачь! — гаркнул сторож. — Когда пропал? Давно? Недавно?..

Назад, Смелый! — крикнул он собаке. — Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад, — ответила мать. — Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то

— Ну, за час он далеко не уйдет, а в одеже и в валенках сразу не замерзнет..

Ко мне, Смелый! На, нюхай!

Сторож сдернул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож. — Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперед! — строго повторил сторож. — Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это еще что за танцы? — рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дернул ее за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошел; он покрутился, повернулся и пошел противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружье в руки оторопелой матери, подошел и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубенкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

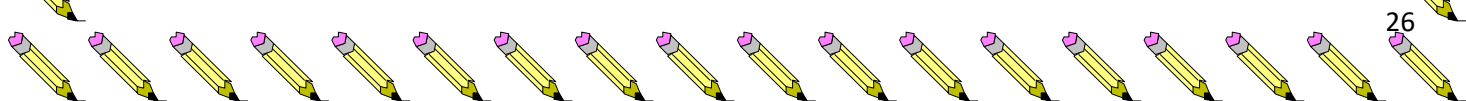
Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дергал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

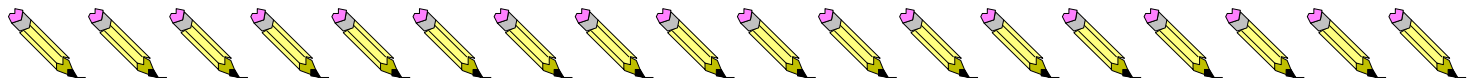
— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пес Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то соскучившийся Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет.

Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошел и брякнул на стол тяжелый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот, — сказал он, — получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серегина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идет на охоту, а сам бегал на лыжах к далекому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нем заботилась, что, наконец, Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменой и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежeweымытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

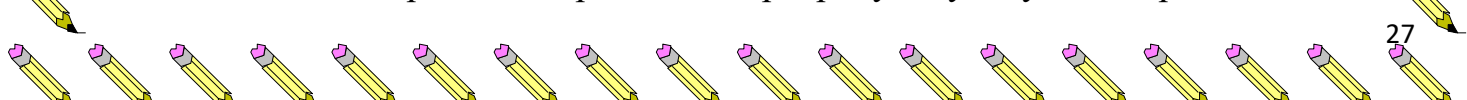
На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и наvertsели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их все новые и новые затеи.

Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от заертки чая и

большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно. Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня меж делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди.

Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите, — сказал им сторож. — Вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почувявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников. И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, спрыгнул в крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

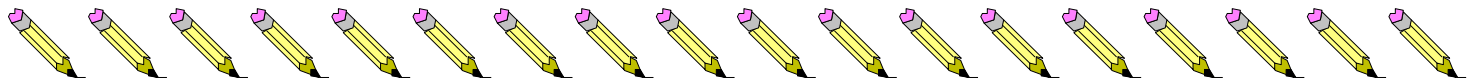
Днем чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме

Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян, и он заиграл веселый танец. Тогда все повскакали, и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню. Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь, — взглянув на часы, сказал отец. — Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издали донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!

Тир-лиль-лили-дон!

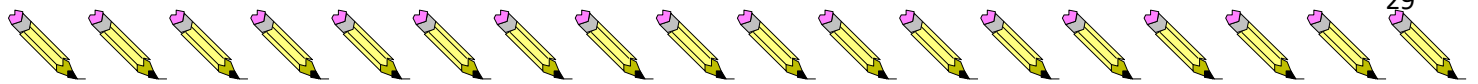
Чук с Геком переглянулись. Они гадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

С. Георгиев «Я спас Деда Мороза»

Все хранилось в большой тайне. О том, что на утреннике Санька станет Оловянным Солдатиком, знали трое: он сам, воспитательница Людмила Аркадьевна и бабушка.

Санька переоделся в укромном уголке, нацепил деревянную саблю, выглянул в зал... и тихо ахнул. В первый миг он не узнал никого!

В зале кружились сверкающие, почти невесомые Снежинки, чинно расхаживали усатые Мушкетеры, отплясывал барыню Кот в сапогах!

Саньку схватила за руку одна из Снежинок, потянула в круг. Оказалось, это всё свои девчонки и мальчишки.

Отчего-то не было видно нигде только Костика, лучшего Санькиного друга.

Потом музыка смолкла, и почти совсем погас свет в зале. Но зато яркими огнями вспыхнула елка.

Появились Дед Мороз со Снегурочкой...

Про Костика Санька почти забыл.

И вот тут вдруг из – за ватного сугроба с жутким ревом и свистом выскочил настоящий Змей Горыныч!

Снежинки бросились врассыпную, один из Мушкетеров потерял шляпу, а Кот в сапогах, жалобно мяукая, забился в угол.

- Ого-го-го-о-о-о! – гаркнул Змей Горыныч таким голосом, что задрожала земля и тихо - тихо, жалобно зазвенели игрушки на праздничной елке. - Ого-го-го-о-о-о! Вот я вам всем зада-а-а-ам!

Змей Горыныч разинул пасть и выпустил такой столб огня и дыму, будто хотел изобразить паровоз.

Один только Оловянный Солдатик не испугался страшного Змея Горыныча. Санька выхватил свою деревянную саблю и храбро бросился в бой!

- В атаку! – кричал герой, размахивая саблей прямо перед мордой Змея. – Вот тебе, получай, противный злодей!

Змей Горыныч не ожидал такого яростного отпора. Трусливо пятясь, он отступал, уворачиваясь от Саниной сабли, а затем повернулся и вовсе бросился наутёк!

Тогда и Мушкетеры вспомнили про свои шпаги, да было уже поздно!

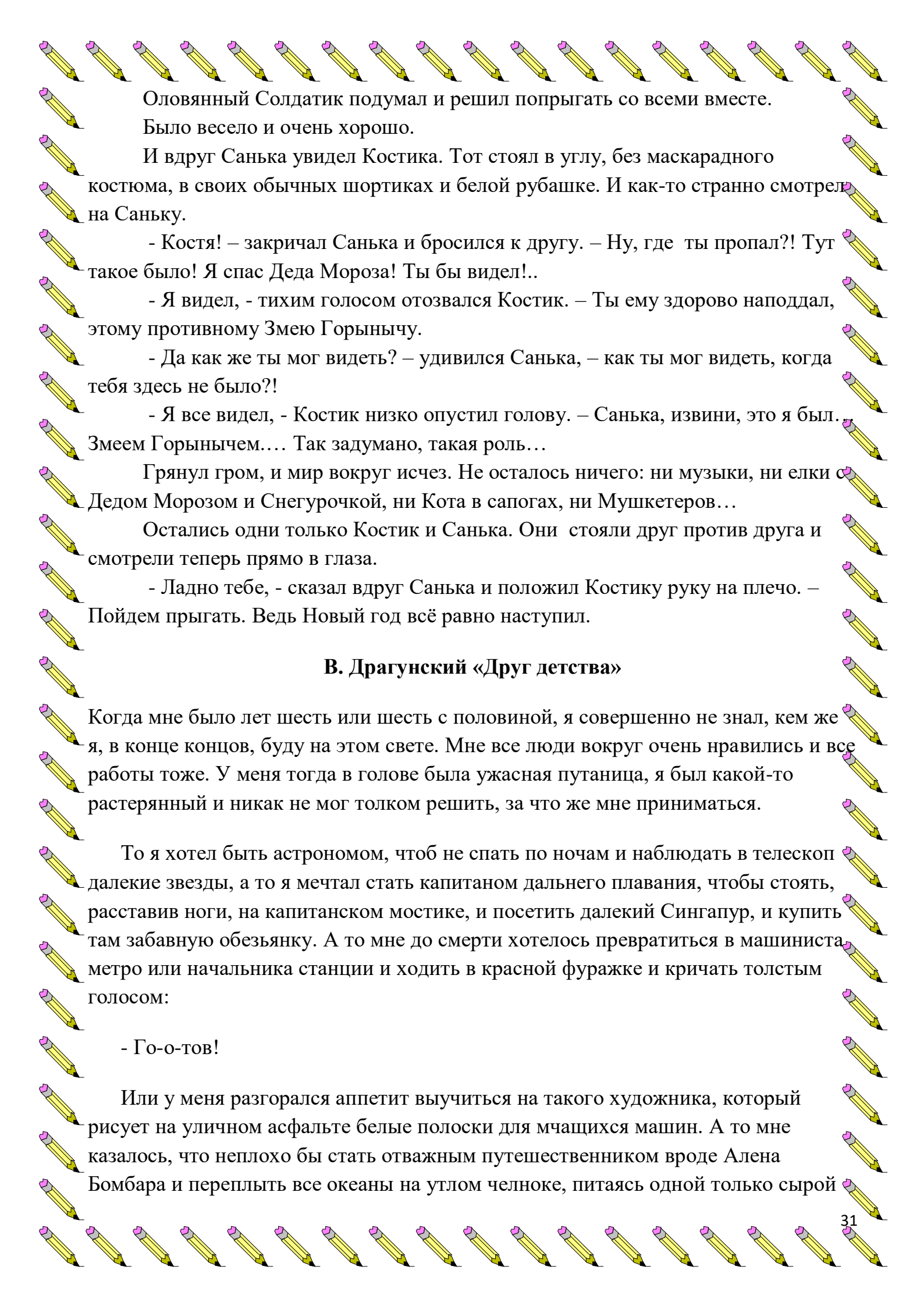
- Спасибо тебе, Солдатик, - просто сказал Дед Мороз.

Дед Мороз и Снегурочка стали раздавать подарки.

Санька огляделся по сторонам. Костика по – прежнему нигде не было.

Потом вновь зазвучала музыка.

Мушкетеры со Снежинками образовали хоровод вокруг елки. Дед Мороз со Снегурочкой тоже встали в круг.

Оловянный Солдатык подумал и решил попрыгать со всеми вместе.

Было весело и очень хорошо.

И вдруг Санька увидел Костику. Тот стоял в углу, без маскарадного костюма, в своих обычных шортиках и белой рубашке. И как-то странно смотрел на Саньку.

- Костя! – закричал Санька и бросился к другу. – Ну, где ты пропал?! Тут такое было! Я спас Деда Мороза! Ты бы видел!..

- Я видел, - тихим голосом отозвался Костик. – Ты ему здорово наподдал, этому противному Змею Горынычу.

- Да как же ты мог видеть? – удивился Санька, – как ты мог видеть, когда тебя здесь не было?!

- Я все видел, - Костик низко опустил голову. – Санька, извини, это я был. Змеем Горынычем... Так задумано, такая роль...

Грянул гром, и мир вокруг исчез. Не осталось ничего: ни музыки, ни елки с Дедом Морозом и Снегурочкой, ни Кота в сапогах, ни Мушкетеров...

Остались одни только Костик и Санька. Они стояли друг против друга и смотрели теперь прямо в глаза.

- Ладно тебе, - сказал вдруг Санька и положил Костику руку на плечо. – Пойдем прыгать. Ведь Новый год всё равно наступил.

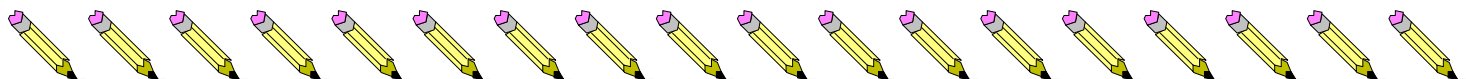
В. Драгунский «Друг детства»

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я, в конце концов, буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

- Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на углу челноке, питаясь одной только сырой

рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга - просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную "грушу" - такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить, что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

- Папа, купи мне грушу!

- Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

- Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

- А тебе зачем? - сказал папа.

- Тренироваться, - сказал я. - Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

- Сколько же стоит такая груша? - поинтересовался папа.

- Пустяки какие-нибудь, - сказал я. - Рублей десять или пятьдесят.

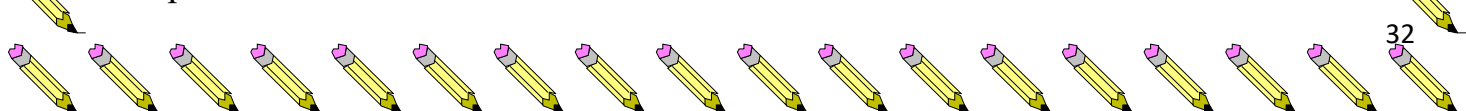
- Ты спятил, братец, - сказал папа. - Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

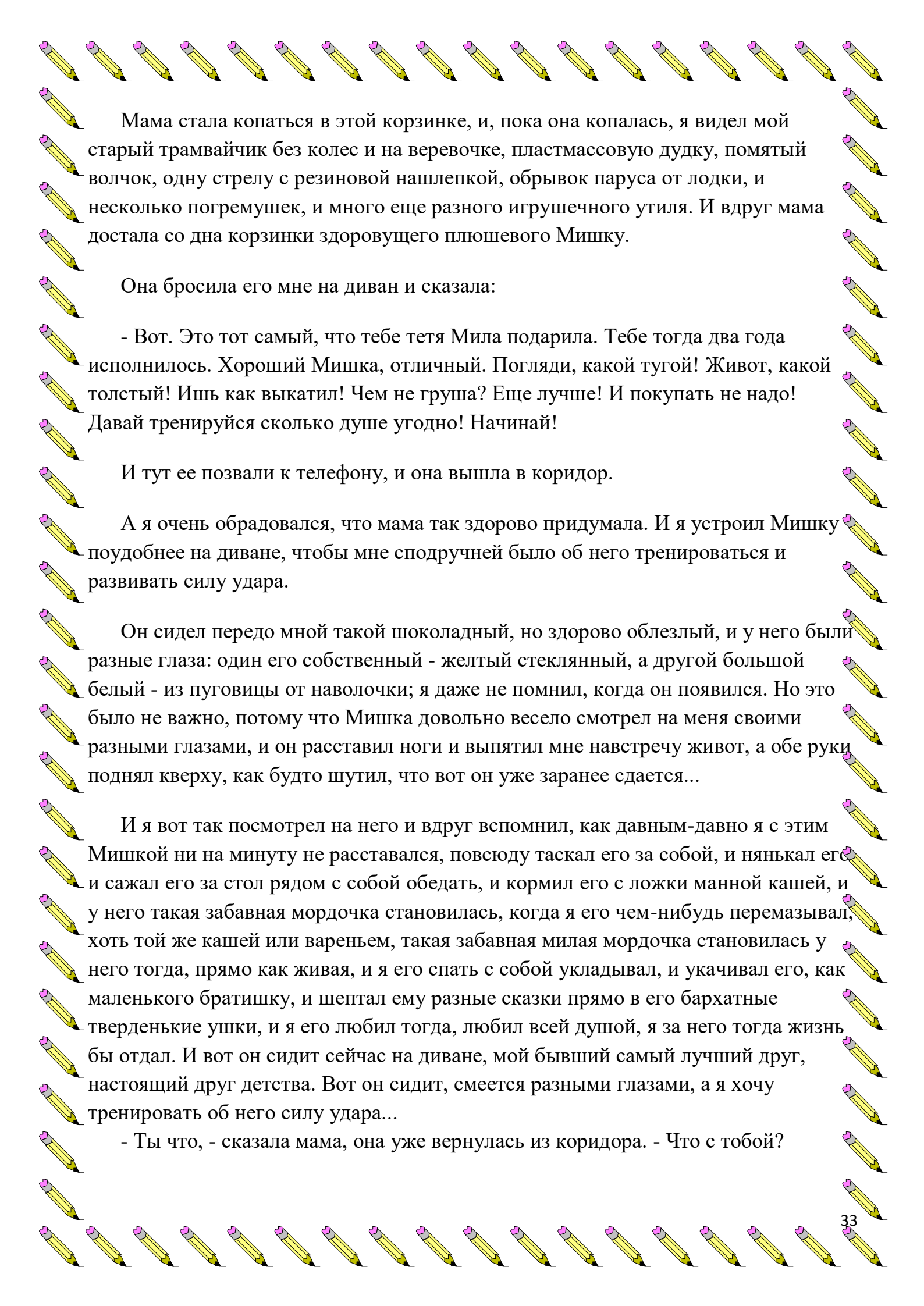
И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

- Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

- Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот, какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

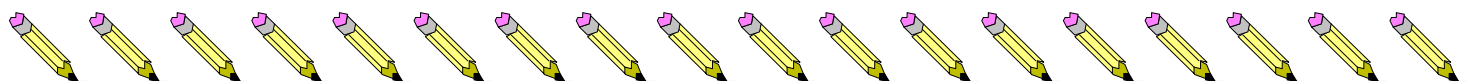
И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный - желтый стеклянный, а другой большой белый - из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдастся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

- Ты что, - сказала мама, она уже вернулась из коридора. - Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:
- Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

В. Драгунский «Сверху вниз, наискосок»

В то лето, когда я еще не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песка. И мы играли на этом песке в «разгром фашистов под Москвой», или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело, и мы подружались с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принес слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Аленка показала монтерам, где у нас черный ход. И мы еще много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом как-то незаметно ремонт стал заканчиваться, рабочие уходили один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжелую железку и тоже ушел.

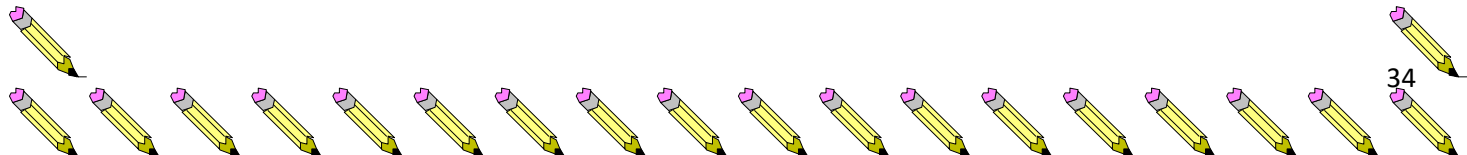
И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: носили мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твердые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах девушки носили шапки из газет. Эти девушки были маляры и назывались: бригада. Они были очень веселые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Аленка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них все получается складно и аккуратно. Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

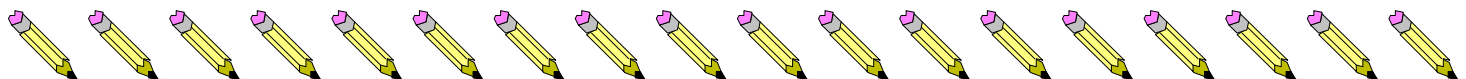
И однажды мы к ним подошли, и тетя Саня сказала:
- Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час.

Я сбегал, узнал и сказал:
- Без пяти двенадцать, тетя Саня...

Она сказала:
- Шабаш, девчата! Я - в столовую! - и пошла со двора.

И тетя Раечка и тетя Нелли пошли за ней обедать.
А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово: ровно и коричнево, с небольшой краснотой.

Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

- Интересно, а если я покачаю насос, краска пойдет?

Аленка говорит:

- Спорим, не пойдет!

Тогда я говорю:

- А вот спорим, пойдет!

Тут Мишка говорит:

- Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

- Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

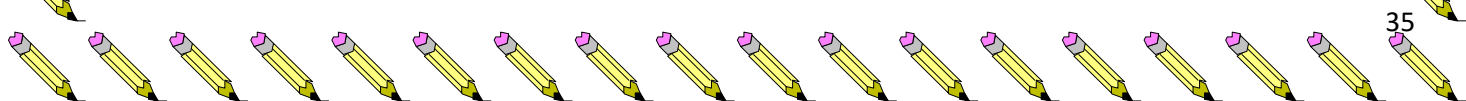
Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку. Краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

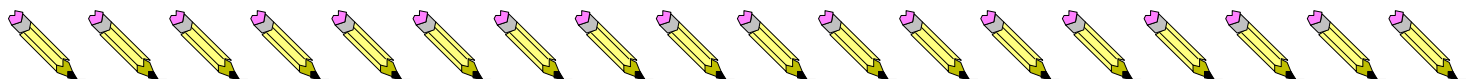
- Ура! — закричала Аленка. - Пошло! Пошло-поехало! - и подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

- Здорово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Аленка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил ее сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит:

- Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же ее скорей!

- Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Аленка прямо завизжала от восторга:

- Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка.

Тогда Мишка приналег на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Аленку поливать краской. Я замечательно ее покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики. И стала она вся коричневая, только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

- Мишка, как думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

- Ну конечно! Крась скорей! Быстрее давай!

И Аленка торопит:

- Давай-давай! И волосы давай! И уши!

Я быстро закончил ее красить и говорю:

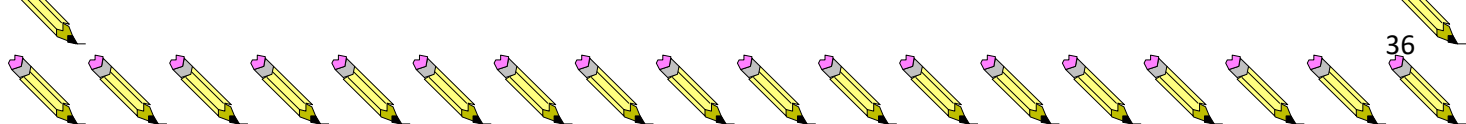
- Иди, Аленка, на солнце пообсохни! Эх, что бы еще покрасить?

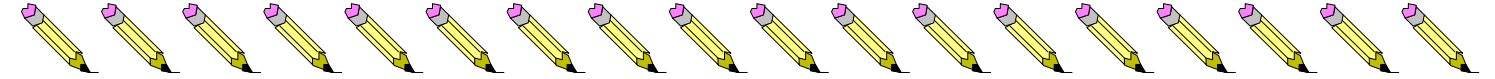
А Мишка:

- Вон видишь, наше белье сушится? Скорей давай крась!

Ну, с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает:

- Крась, давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешел на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из нее вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме.

Он прямо остолбенел. И я тоже. Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх. А у него глаза расширились, и ему в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает, и знай себе, ладит свое:

- Крась, давай, побыстрей давай!

И Аленка сбоку вытанцовывает:

- Я индейка! Я индейка!

Ужас!

...Да здорово нам тогда влетело. Мишка две недели белье стирал. А Аленку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тетя Саня, Раечка и Нелли сказали:

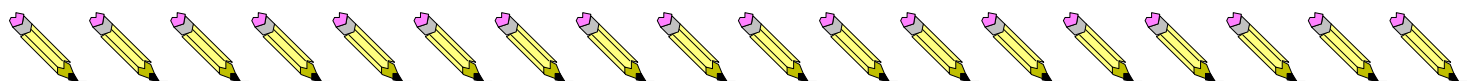
- Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмем. Будешь маляром!

И с тех пор я стараюсь расти побыстрей.

К. Паустовский «Кот-ворюга»

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста. Это был кот, потерявший всякую совесть, кот - бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры

и склевали весь наш запас червей. Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

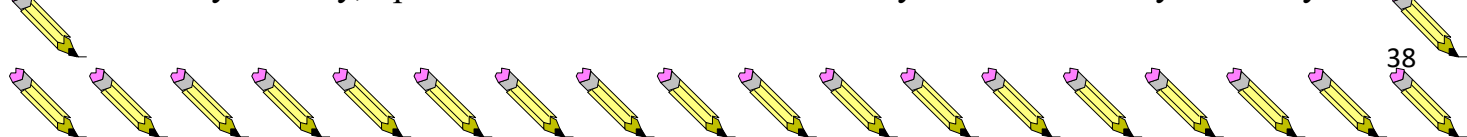
Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота. Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями. Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нем было десять жирных окуней, пойманных на Прорве. Это было уже не воровство, а грабеж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

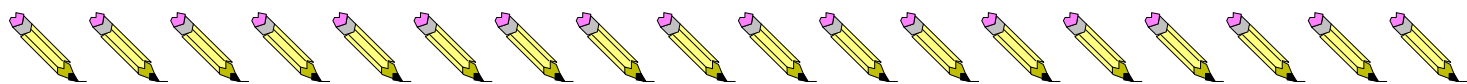
Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу. Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл. Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу. Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью. Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходах рыжего кота. Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления. Прошел час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем плотицу и закинул ее

через лаз в подполье. Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное шелканье - кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску, Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу. Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза. Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели, как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

- Что же нам с ним делать?

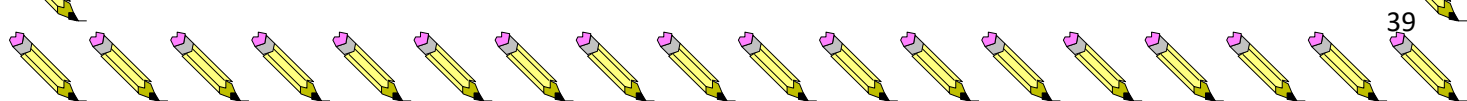
- Выдрать! - сказал я.

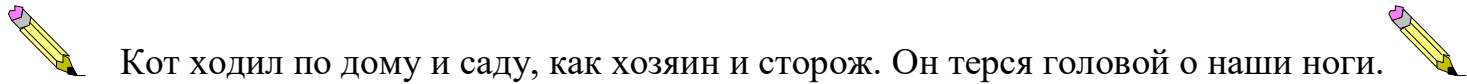
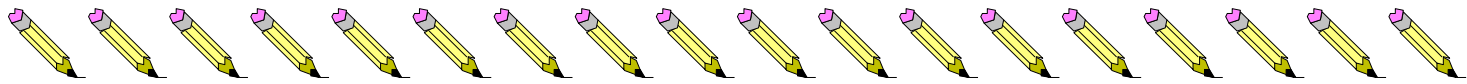
- Не поможет, - сказал Ленька. - У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить, как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза. Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану. Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами. После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке. Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать. На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок. Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу. Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол. Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный "Горлачом". Кот несся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу. После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел. С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги.

Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти. Мы

переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это

не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в

обиде.

